

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ
СТРАТЕГИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО
ОСВОЕНИЯ СИБИРИ:
программы и практики
советского периода
(1920–1980-е гг.)



Коллектив авторов

**Мобилизационная стратегия
хозяйственного освоения Сибири.
Программы и практики советского
периода (1920-1980-е гг.)**

«ПАРАЛЛЕЛЬ»

2013

Коллектив авторов

Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири. Программы и практики советского периода (1920-1980-е гг.) / Коллектив авторов — «ПАРАЛЛЕЛЬ», 2013

ISBN 978-5-98901-116-2

В коллективной монографии анализируется советская государственная политика хозяйственного освоения Сибири, связанная с принятием мобилизационных решений, необходимых для модернизационного преобразования экономики региона на базе индустриализации. Подчеркивается, что в XX столетии активно происходило социально-экономическое развитие всё более новых районов Сибири, богатых минерально-сырьевыми и прочими природными ресурсами. Особое внимание уделено мобилизационному характеру освоения северных районов, где создавались достаточно эффективные территориально-производственные комплексы и объединения, менявшие коренным образом не только экономический, но и цивилизационный облик региона. В целом авторы монографии представляют Сибирь в советский период как активно развивающуюся территорию, на которой поэтапно с запада на восток реализовывались крупные социально-экономические программы национального значения, осваивались уникальные месторождения полезных ископаемых, строились новые населенные пункты, в которых формировался преимущественно урбанистический образ жизни населения. Монография адресована специалистам, учащимся и всем интересующимся историей Сибири.

ISBN 978-5-98901-116-2

© Коллектив авторов, 2013

© ПАРАЛЛЕЛЬ, 2013

Содержание

Введение	7
Глава 1. Исторические корни мобилизационных решений в российской государственной политике	16
Глава 2. Советские мобилизационные стратегии и практики в 1920-е гг.	26
Организация перспективного планирования, как системы мобилизационного управления хозяйственным развитием	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Мобилизационная стратегия
хозяйственного освоения
Сибири: программы и практики
советского периода (1920-1980-е гг.)**

© Коллектив авторов, 2013

© Институт истории СО РАН, 2013

* * *

Введение

В предлагаемой вниманию читателей коллективной монографии предпринята попытка решения сложных и актуальных исследовательских задач, связанных с изучением мобилизационной стратегии советского государства в хозяйственном освоении Сибири¹ в 1920–1980-е гг. В этот период в стране и в регионе происходили модернизационные преобразования, существенными основаниями которых являлись индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, становление принципиально нового типа цивилизационного развития.

Сибирский регион в XX в. представлял собой активно обживаемую и развивающуюся в хозяйственном смысле территорию, на которой поэтапно (с запада на восток) реализовывались масштабные социально-экономические программы национального значения. Здесь происходило активное транспортное и промышленное строительство, освоение природных ресурсов и уникальных месторождений полезных ископаемых, возведение крупнейших в мире энергетических объектов и соответственно рождение новых населенных пунктов, в которых формировался урбанистический образ жизни населения.

Модель хозяйственного развития Сибири может служить примером мобилизационных решений государства в освоении новых территорий, наиболее ярко проявившихся в советский период, когда потребность в мобилизации совпала с необходимостью ускоренных модернизационных преобразований. Исторический опыт в этом отношении имеет не только российскую, но и мировую значимость, определяющуюся необходимостью наиболее полного и объемного изучения проблем обживания новых территорий, особенно с точки зрения созидательной деятельности человека, его адаптации к непривычным условиям жизни и труда.

Под мобилизационной моделью хозяйственного освоения новой территории можно понимать некий план, стратегическую схему мероприятий, направленных к единой цели. Мобилизация в этом смысле может быть оценена и как способ решения крупных социально-экономических задач на новых территориях, что представляет интерес не только для научного знания, но и для потребностей современной практики государственного управления, часто нуждающейся в опоре на исторический опыт.

Само понятие «мобилизация» широко используется в современной гуманитарной сфере. Представители различных общественных наук могут наделять его разным содержанием. С исторической точки зрения понятие мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири рассматривается как стратегически направленный процесс, способствующий активизации деятельности людей по выполнению определенного рода задач в целях ускоренного их решения, иногда в чрезвычайном режиме. При этом мобилизация предполагает одновременно как концентрацию сил и средств для достижения намеченных целей, так и разработку механизмов и способов их реализации.

Исторически мобилизационность в развитии Российского государства была связана, как правило, с созданием определенных систем госрегулирования, которые давали возможность добиваться максимально эффективного использования общественных ресурсов, как для решения чисто экономических задач, так и неэкономических, связанных, например, с достижением победы в войне, сохранением властных рубежей, освоением новых территорий и т. д.

Под мобилизационными решениями в хозяйственном освоении новых территорий СССР понимались действия правительства, направленные, как на их обживание, так и активное использование имеющихся природных ресурсов для развития народнохозяйственного комплекса страны. В 1920–1980-е гг. эта стратегия в советской государственной политике сложилась в качестве целой системы мер, стимулов и других различных воздействий, направленных

¹ Имеется ввиду территория Азиатской части России от восточных отрогов Урала до берегов Тихого океана.

на выработку мотивации конкретных людей прибывать в новые места, развивать экономику и оставаться на постоянное место жительства.

Мобилизационный режим экономического развития не являлся изобретением России и плодом теоретических рассуждений пришедших к власти большевиков во главе с В. И. Лениным, как иногда представляется в историографии. После окончания Первой мировой войны в политике и практике экономического развития многих стран проявились тенденции мобилизационного порядка. Существующее в условиях конкуренции и раздела мирового пространства противостояние ещё более усиливалось в результате независимой позиции СССР и его деклараций в отношении борьбы с капитализмом. В 1920-е гг. в мире положено начало формированию противоречий не только между отдельными государствами, но и двумя общественно-политическими системами, что создавало условия для развязывания новой мировой войны. Во многих странах наблюдалось перенесение принципов военной организации в самые различные сферы общественной жизни, которые начинали работать в условиях плановой подготовки к войне не только вооруженных сил, но и в целом экономики. Планировались и проводились различные мероприятия, связанные и с всеобщей мобилизацией населения, и с его морально-психологической подготовкой к возможным войнам.

СССР также присоединился к этой всеобщей мировой стратегии мобилизационного развития. К концу 1920-х гг. в стране была создана система тотального планирования, рассматривающая все общественно значимые цели как чрезвычайные и требующие мобилизационных решений на пути их достижения. В сочетании с коммунистической идеологией, противостоянием со всем остальным миром, мобилизация рассматривалась как единственно возможное средство для успешного общественного развития, как историческая необходимость в борьбе за победу над капиталистической системой. Поэтому неизбежной считалась концентрация всех экономических и социальных ресурсов для достижения этой главной цели. Объектом мобилизационного планирования становились не только вооруженные силы и военная промышленность, но и практически все области жизни общества.

К числу положительных моментов использования мобилизационных способов в решении государственных задач можно отнести достижение высоких темпов экономического роста страны, основанного на модернизации производственного потенциала, обеспечение полной занятости населения, единый контроль за производством и потреблением ресурсов. Всё это способствовало эффективному противодействию советского государства внешним угрозам и обеспечивало национальную безопасность. Недостатки же влияли на внутреннюю стабильность советского общества. Всеобщая мобилизованность сопровождалась низким уровнем и уравнильным характером потребления населения, высокой степенью воздействия субъективных факторов в государственном управлении. Увлечение мобилизационными способами могло породить склонность облеченных властью людей к простым решениям и откровенному насилию в обществе.

По отношению к Сибири мобилизационная модель хозяйственного освоения должна была учитывать необходимость организации в регионе военно-стратегического и экономического тыла государства. Эта идея стала рассматриваться на рубеже XIX – XX вв., когда намечалось в экономической и политической жизни страны усиление роли восточных регионов. Сибирь представляла значительный интерес в силу своего геополитического положения. Здесь находился географический центр России, равноудаленный как от западных, так и восточных рубежей. Кроме того, обилие природных богатств сибирского региона делало его мощным экономическим резервом государства в случае конфликтов, как на западе, так и на востоке.

Советское государство унаследовало это отношение к Сибири. Мобилизационные методы как наиболее действенные активно применялись в чрезвычайных обстоятельствах Гражданской войны и послевоенного восстановления. Сохранились они и в последующий период, когда разрабатывались и реализовывались планы освоения и обживания богатого при-

родными ресурсами региона, важного для страны в экономическом и военно-стратегическом отношении. Мобилизационная модель оказалась здесь наиболее адекватной формой модернизации экономики и в целом жизни населения в отдаленном от государственного центра регионе, малонаселенном и находящемся в относительно суровых природно-климатических условиях.

Централизованно-плановые управленческие решения, основывающиеся на общегосударственной собственности на средства производства и концентрации ресурсов в одних руках, в сочетании с мерами социальной мобилизации обеспечили достижение в Сибири впечатляющих результатов. В короткие исторические сроки, буквально при жизни одного поколения людей, регион сделал решительные шаги по пути индустриализации и урбанизации, определившие его существенный вклад в социально-экономическое развитие СССР, результативность которого была подтверждена в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления.

В 1950–1980-е гг. мобилизационный характер государственных решений по отношению к хозяйственному освоению Сибири сохранялся. Регион продолжал развиваться как тыловой район страны в условиях «холодной» войны и сохранения военной угрозы извне. В экономике СССР постоянно возрастала потребность в топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсах. Все эти обстоятельства требовали по-прежнему мобилизационных решений, но реализовывались они уже на основе иных научно-технических и организационно-политических принципов общественного развития. Во второй половине XX в. в стратегии хозяйственного развития Сибири стал происходить постепенный переход от жестких и принудительных методов к относительно добровольным, хотя мобилизационный характер конкретных решений сохранялся. В главных политических установках советского государственного управления в этот период важное место отводилось реализации в Сибири комплексных программ, имеющих основополагающее значение для перспективного развития всего народного хозяйства СССР.

Научная актуальность и общественная значимость исследования процессов, связанных с теорией и практикой мобилизационных решений в советской государственной политике хозяйственного освоения Сибирского региона, определяется необходимостью наиболее полного ретроспективного освещения реальной роли государства, его значимости в историческом процессе. В России государственное управление традиционно задавало основные параметры развития всех регионов страны, играло главную мобилизующую роль, которая особенно возрастала в чрезвычайных и кризисных ситуациях. В советский период мобилизационная модель в хозяйственном освоении Сибири была принята также в значительной мере по традиции.

Проблемы государственных мобилизационных решений недостаточно изучались в работах советских историков, так как сама по себе мобилизационность не считалась основным содержанием деятельности государственной системы управления. Акцент делался на мобилизациях военного времени и послевоенного восстановления. По мнению многих авторов, их необходимость в советской государственной политике проявлялась лишь в чрезвычайных обстоятельствах, когда объективно сложившиеся тяжелые условия военного или послевоенного времени требовали жестких, бескомпромиссных и целенаправленных решений.

В современной отечественной историографии проблема мобилизационных методов в советской государственной политике изучается наиболее активно. Особенно в последнее десятилетие на этот счет появилось много разноплановых работ, в которых мобилизационность рассматривается как системная характеристика советского общества, связанная с тоталитарным режимом. В книгах и статьях содержатся попытки осмыслить мобилизационную политику государства как сложное историческое явление, которое имело, как положительное, так и отрицательное воздействие на все общественно-политические и экономические процессы в СССР. Ценность данных исследований в том, что они выполнены с современных позиций исторического познания, содержат не только обобщение и анализ советского опыта государственного

управления, но и сравнение его с так называемым либерально-демократическим, навязанным россиянам в 1990-е гг.

Одним из первых историков, обративших внимание на проблемы мобилизационности в общественном развитии вообще (и в советском, в частности), был А. А. Галкин, профессор Института общественных наук при ЦК КПСС. Он в 1990 г. опубликовал в журнале «Коммунист» статью о роли мобилизационного развития в общественном прогрессе, в которой мобилизационность обозначил как признак системного развития многих цивилизаций, в том числе и российской, подчеркнул, что исторический путь Российского государства был объективно связан с необходимостью мобилизационных решений. Особенно это проявилось в первой половине XX столетия, когда модернизационные преобразования потребовали сильной и решительной государственной власти, которая смогла бы сконцентрировать усилия и ресурсы общества для достижения общенациональных целей. По мнению А. А. Галкина, мобилизационные методы как приоритетные использовались большевиками для преодоления отставания российской экономики от мировых стандартов, для модернизации всех сфер жизни российского общества. В то же время мобилизационность ограничивала свободу личности, могла быть эффективной только в относительно короткий промежуток времени, сильно зависела от субъективного фактора и т. д.²

Затем оценки советского общества как мобилизационного появились в трудах А. Г. Вишневского, О. Н. Кена, В. В. Седова, А. С. Сенявского, А. Г. Фонотова и др. Стали изучаться причины и механизмы формирования мобилизационной экономики в СССР, как способа модернизационных решений, связанных одновременно с факторами внутреннего социально-экономического развития и обстоятельствами общемировой ситуации. Исследователями отмечалось также, что идеологическая мобилизация являлась постоянной составляющей общественных процессов в СССР.

Можно сказать, что изучение феномена «мобилизационности» в советской истории в последние десятилетия стало достаточно актуальным. Большой вклад в исследование проблем мобилизационного развития общественных систем внесен обществоведами Челябинского государственного университета. Здесь в 2009 и 2012 гг. состоялись крупные Всероссийские конференции на тему: «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века», на которых рассматривался очень широкий круг проблем, связанных с проявлением мобилизационности в общественном развитии. Мобилизация как историческое явление рассматривалась всесторонне, как в политической стратегии государств, так и в социальной практике. Важное место отведено российскому опыту. Исследователями на значительной источниковой базе были сделаны выводы, что советская мобилизационная модель общественного развития явилась адекватным ответом вызову времени, в котором обозначилась острая необходимость модернизационных перемен.

Советская модель существенно отличалась от западной либерально-рыночной экономики, но вместе с тем она была национально-ориентированной, в достаточной мере опиравшейся на глубинные политические, экономические и социокультурные традиции россиян. В результате её использования советскому государству удалось в короткие исторические сроки добиться значительных результатов в индустриализации страны на этатистской нерыночной основе. Вместе с тем, мобилизационный режим советской экономики являлся мощным фактором сдерживания её потребительской направленности. Он ограничивал темпы роста и модернизации многих отраслей, связанных с производством товаров народного потребления, в целом не способствовал росту благосостояния населения. Государство решало свои геополитические проблемы, жертвуя уровнем жизни советских людей. Однако оно при этом смогло создать для них надежный оборонительный щит, в том числе и из новейших видов вооруже-

² Галкин А. А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития. // Коммунист. 1990. № 18. С. 23–33.

ния. В результате к началу 1970-х гг. был достигнут ядерно-стратегический паритет с США и сведена к минимуму угроза развязывания мировой войны.

В то же время в обществе нарастало противоречивое отношение к происходящему. Население СССР постепенно «уставало» от мобилизационного образа жизни и переставало поддерживать стратегические намерения государственного управления. Тем не менее, по мнению многих историков и экономистов, принявших участие в конференциях в Челябинске, исторический опыт Российского государства в XX столетии подтверждает объективную потребность в мобилизационных решениях государственного управления в целях сохранения страны как целостной системы³.

В процессе обсуждений в Челябинске было признано, что потребность в мобилизации общества в Российском государстве по-прежнему актуальна и в настоящее время, так как сохраняются проблемы, которые наиболее эффективно решаются мобилизационными методами. Например, необходима модернизация российской экономики на пути развития высокотехнологичных производств, которая вряд ли осуществится без прямого вмешательства государства. Исследователями сделаны выводы, что современное состояние экономики страны и реальные угрозы её будущему обуславливают необходимость обращения к мобилизационным методам социально-экономического развития, к опыту формирования мобилизационной экономики в советский период. Мобилизационность представляется главным фактором перевода экономики современной России «с ресурсно-сырьевого на инновационный путь развития с перспективой вывода страны в ранг мировых технологических лидеров. Она, тем более необходима для закрепления лидирующих позиций России в мировой технологической гонке с целью укрепления оборонного потенциала страны в объёме, достаточном для обеспечения национальной безопасности и суверенитета.»⁴.

Обозначенные высказывания и выводы подтверждают актуальность изучения исторического опыта мобилизационных решений в российском государственном управлении. В современной отечественной историографии предпринято изучение проблем социальной мобилизации в советский период. Опубликован целый ряд работ по различным аспектам существования данного феномена, в которых мобилизационные практики рассматриваются как системная характеристика государственного управления особенно в период «сталинизма», когда мобилизационные методы рассматривались в качестве основной возможности существования советского об-

щества в целом и отдельных его членов. В этой связи исследователи рассматривают институциональные основы советского общества в 1930–1950-е гг., механизмы и формы государственного управления всеми сферами общественной жизни. Большое внимание уделяется проведению специальных кампаний, направленных на привлечение различных групп и слоёв советского общества к решению государственных задач⁵.

Многими авторами формирование советской мобилизационной системы понимается как необходимое условие промышленного преобразования страны для обеспечения технико-экономической независимости СССР в сложных внешнеполитических условиях. Поэтому приоритетным направлением в мобилизационных решениях являлось развитие индустриальных отраслей экономики и в частности связанных с военно-оборонной промышленностью.

³ См.: Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск. 28–29 ноября 2009 г. Челябинск, 2009. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 23–24 ноября 2012 г. Челябинск, 2012.

⁴ Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск. 23–24 ноября 2012 г. С. 11–12.

⁵ См.: Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики. Сборники научных статей. Вып. 1. Новосибирск, 2011; Вып. 2. Новосибирск, 2012.

Сибирскому региону уделялось значительное место в государственной стратегии сдвига производительных сил страны в сторону богатых природными ресурсами восточных районов. Вместе с тем, сибирская специфика в советской мобилизационной политике практически не изучалась. Только в последние годы появился ряд конкретно-исторических работ, посвященных применению принудительного труда в хозяйственном освоении региона, социально-трудовым мобилизациям в годы первых пятилеток⁶.

В зарубежной литературе определенные шаги сделаны в направлении изучения мобилизационного типа экономического развития и его роли в формировании материальной культуры вообще. Мобилизационный этап общественного развития сопоставляется с инновационным, которые различные страны преодолевали в соответствии со своими историческими традициями. Эти суждения можно найти в трудах обществоведов В. Зомбарта, С. Коткина, П. Холквиста и др. Западные историки традиционно советское общество рассматривали как мобилизационное. Характер мобилизационного развития, по их мнению, особенно проявлялся в освоении новых районов Сибири, где строились гигантские предприятия, новые города и рабочие поселения с современной производственной и социальной инфраструктурой. Зарубежные авторы, как правило, говорили о высокой социальной цене хозяйственного освоения региона. Однако их заявления не подтверждались часто достаточным фактологическим материалом. Недостаток исторических источников не мог не отразиться на обос-

нованности и достоверности выводов зарубежных ученых. Кроме того, исследования зарубежных аналитиков иногда имели откровенно заказной характер и трудно увидеть в них объективные оценки и выводы⁷.

В целом обозначенная тема нуждается в глубоком изучении с привлечением как вновь выявленных исторических источников, так и уже введенных в научный оборот, но нуждающихся в новом прочтении и интерпретации. Необходимо изучить, как формировалась советская мобилизационная модель хозяйственного освоения Сибири, в каких пропорциях применялись здесь мобилизационные методы, какие использовались формы, и какова была их социальная оправданность. Задача исследователей, на наш взгляд, должна состоять в изучении и анализе самых различных направлений стратегии и практики хозяйственного освоения региона, поэтапного его развития, конкретного содержания и состава мероприятий, проводимых здесь для решения крупных проблем национального значения в тот или иной исторический период.

В настоящей коллективной монографии предпринята попытка восполнить пробелы в изучении мобилизационной стратегии хозяйственного освоения Сибири в советский период. Одним из главных направлений является исследование проблемы преемственности в историческом развитии Сибири в составе Российского государства. В XX столетии преемственность определялась не столько политическими режимами, сколько объективными обстоятельствами и требованиями. Именно последние выдвигали на передний план необходимость переселений в Сибирь из других регионов России (СССР), индустриальную модернизацию с использованием сибирских топливно-энергетических, минерально-сырьевых и прочих природных ресурсов, соответствующее социокультурное развитие населения и т. д. Особо акцентируется внимание на проблемах формирования индустриально-урбанистического общества в регионе, которое явилось мощным фактором развития не только социально-экономических процессов, но и культурных, затронувших как городское, так и сельское населения в рамках единого социума.

⁶ Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929–1956. Кемерово, 2009; Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009.

⁷ Например см.: Хилл Ф. Гэдди К. Сибирское время. Просчеты советского планирования и будущее России. Перевод с англ. М., 2007.

В монографии поставлены задачи изучения этапов формирования советской мобилизационной стратегии, методов выстраивания системы тотального планирования и директивного управления, способов укрепления вертикали власти, а также определения роли объ-

ективных и субъективных факторов, оказавших наибольшее как положительное, так и отрицательное влияние на процессы хозяйственного освоения сибирского региона. В связи с этим представлялась очень важной оценка роли и эффективности мобилизационных решений в хозяйственном освоении Сибири, их хронологической динамики и особенностей формирования, а также выявление возможностей для использования исторического опыта в современных условиях.

Коллектив авторов стремился показать, что государственная мобилизационная стратегия по отношению к Сибири развивалась как стадийный процесс и была напрямую связана с общими для страны политическими решениями. В то же время политические и социально-экономические процессы в Сибири имели свою специфику. Они коренным образом изменили облик региона в XX столетии. Сибирь из отдаленной и малоосвоенной в экономическом отношении российской окраины превратилась в регион с высоким уровнем индустриализации и урбанизации. Данный подход позволил проанализировать и оценить технологии формирования и разработки политических идей и решений, их исполнения, а также реакции исполнителей мобилизационных решений на политику государства.

Проблемы изучения советской мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири в монографии разделены условно на три блока. Первый из них представляет процессы разработки и формирования модели под влиянием различных факторов объективного и субъективного порядка. Второй блок обозначает механизмы и способы её практической реализации. В третьем блоке проблем анализируются экономические и социальные результаты, отражаются особенности формирования в регионе индустриально-урбанистического общества.

Исследователи стремились отойти от крайностей в оценке результатов мобилизационной деятельности советского правительства и пытались оценить её объективно с различных сторон, учитывая вызовы исторического времени. С этих позиций рассматривалось значение хозяйственного освоения Сибири как региона богатого природными ресурсами и возможностями для модернизационного развития, в то же время находящегося в неблагоприятных климатических условиях по сравнению с другими территориями страны.

Выявление специфики осуществления мобилизационной модели в освоении Сибири включало исследование не только особенностей производственно-экономического развития региона, но и в целом социального, которое проявлялось на всех уровнях политического и экономического управления, в трудовых коллективах и деятельности отдельных участников событий. В мобилизационных целях в Сибири применялись не только общие для страны агитационно-пропагандистские и идеологические мероприятия, но и специфические, например, патриотические призывы молодёжи на целину, в северные районы нового хозяйственного освоения и т. д.

Оценивая результаты реализации советской мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири, авторы монографии обращали внимание на противоречия её функционирования. С одной стороны, проявлялся массовый трудовой и политический энтузиазм населения, а с другой – присутствовало в различных формах социальное принуждение и даже открытое насилие со стороны государственного аппарата. В этой связи весьма сложным является вопрос об оценке эффективности мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири. С одной стороны, она может оцениваться по результатам экономического развития, которое имело более высокие темпы, чем в целом по стране. Но с другой – социальное развитие региона постоянно имело «догоняющий» характер и не может оцениваться столь однозначно. Исторический опыт в этом отношении многогранен и нуждается не только в глубоком изучении, но и объективном осмыслении.

С привлечением разнообразных исторических источников в монографии анализируются особенности формирования и реализации государственных мобилизационных программ в Сибири, начиная с 1920-х гг. и до конца советского периода. Показано, что определяющую роль в мобилизационных процессах играло государство, как наиболее активный субъект в российской истории, способный сосредоточить силы и средства общества для достижения национально значимых целей, обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов для решения поставленных задач.

В монографии показано, что в СССР мобилизационность в государственной политике особенно ярко стала проявляться с конца 1920-х гг. в ответ на реальную угрозу нападения извне, которое могло поставить под вопрос существование страны. Индустриализация, проведенная в мобилизационном режиме, позволила реформировать все отрасли экономики, в том числе и аграрный сектор, в котором через коллективизацию и централизованное управление хозяйственным развитием удалось обеспечить тотальную перекачку материальных и людских ресурсов деревни в промышленность. Стержневым механизмом данной перекачки стало формирование централизованного государственного хлебного фонда СССР, посредством которого государство обеспечивало принудительное отчуждение произведенной в сельском хозяйстве продукции и распределение её по своему усмотрению.

В наибольшей степени советские мобилизационные методы показали свою эффективность в годы Великой Отечественной войны, когда Сибирь стала крупным тыловым районом с развитой экономикой, обеспечившей в значительной степени победу в войне и не утратившей свою стратегическую значимость и в послевоенные годы. В монографии показано, что успехи в производственном развитии в годы войны были обусловлены в значительной степени за счет социальной мобилизации, которая коснулась буквально всех слоёв населения, в том числе молодёжи и подростков. Юноши и девушки Сибири составили основу формирования индустриальных кадров военно-оборонных предприятий, работавших в жестком мобилизационном режиме.

В послевоенный период в условиях «холодной войны» СССР пришлось сохранять мобилизационный режим экономики, обеспечивавший в целом национальную безопасность. Не утратилось значение «сибирского тыла», который обустроивался теперь уже по новым стандартам, связанным с развертыванием в мире научно-технической революции и появлением ракетно-ядерных вооружений. Особенности мобилизационного развития Сибири в 1950–1980-е гг. были связаны с районами нового промышленного освоения, в которых мобилизационные методы были необходимы для реализации намеченных государством задач. Однако решались они уже на иной, преимущественно добровольной основе. Разрабатывались специальные государственные экономические и социально-демографические программы, направленные на привлечение населения и кадров в Сибирь, в том числе и в районы индустриальных новостроек.

Особое внимание в монографии уделено роли науки. Её развитие в мобилизационном режиме проявлялось, как в обязательном пла-

нировании научных изысканий в области изучения производительных сил СССР, так и в государственной постановке актуальных тем и задач. В специальной главе показано, как формировалась советская система управления наукой, возникали новые формы и способы научной деятельности. Мобилизационные процессы институционализации науки в Сибирском регионе в 1920–1980-е гг. включали в себя несколько стадий: организацию комиссий и комитетов Академии наук СССР, экспедиционную деятельность и появление первых стационарных научных учреждений, организацию филиалов или самостоятельных институтов, объединенных затем в составе Сибирского отделения АН.

В целом в монографии разработка и реализация мобилизационной стратегии в советском государственном управлении представлена в качестве исторически обоснованного явле-

ния, необходимого для создания определенных способов защиты национального суверенитета СССР, связанных с концентрацией сил и средств для достижения жизненно важных для страны целей. Ведущую роль в этих процессах играло государство. Оно являлось главным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение им же поставленных задач.

Монография подготовлена коллективом авторов: введение и заключение – Тимошенко А. И.; глава 1 – Тимошенко А. И.; глава 2 – Исаевым В. И. и Тимошенко А. И.; глава 3 – Ильиных В. А. и Тимошенко А. И.; глава 4 – Ильиных В. А.; глава 5 – Романовым Р. Е.; главы 6, 8, 9 – Тимошенко А. И.; глава 7 – Андреенковым С. Н.; глава 10 – Куперштох Н. А.

Глава 1. Исторические корни мобилизационных решений в российской государственной политике

Долгое время Россия свой уровень цивилизационного развития и место в мире соизмеряла с наиболее крупными и продвинутыми в военно-стратегическом и социально-экономическом отношении европейскими государствами. Со времени киевских князей в Европе и Центральной Азии, тесно примыкающей к Европейскому континенту, находился предпочтительный и очень желательный вектор государственной политики России, в которой вплоть до XVIII в. включительно преобладали преимущественно западно-европейское и южноевропейское направления, где были тесно завязаны интересы ведущих мировых держав того времени.

Успех как внешней, так и внутренней политики был часто непосредственно связан с мобилизационными стратегиями. Мобилизационными методами не пренебрегали правители Киевского, а затем Московского государства, решая жизненно важные для себя и страны задачи. Некоторые из них, такие, например, как Александр Невский, Дмитрий Иванович – московский князь, известный как Донской, Великий князь Иван III, царь Иван IV (Грозный) однозначно обладали сильными личностными харизмами и оказывали большое мобилизующее влияние на своих подданных. Ближе по времени к нам, и по пониманию, пожалуй, царь Петр I, который впервые в истории России получил титул императора и проводил мобилизационную политику по всем направлениям. По мнению Ключевского В. О. Петр I перевернул всё русское общество «сверху донизу, до самых его основ и корней»⁸.

Первый русский император сам был очень сильной личностью с огромным мобилизационным потенциалом. Поэтому можно заключить, что именно ему принадлежит первенство в организации государственной мобилизационной стратегии как общественной системы, которая базировалась на создании единого административно-территориального устройства страны, укреплении вертикали власти, способной в очень короткие сроки приводить в движение мобилизационные механизмы.

В результате удалось решить для России сложный комплекс проблем общенационального значения. С одной стороны, реализовывались цели расширения территориального и хозяйственного развития пространной страны, располагавшейся на двух мировых континентах, а с другой – обеспечивалась её военно-стратегическая оборона и укрепление международного положения. Например, за счет создания на Урале новых отраслей горно-металлургической промышленности удалось решить модернизационные задачи в экономике России и обеспечить победу в Северной войне, которая коренным образом изменила европейские позиции государства.

Петр I, как правитель мобилизационного типа, оказался очень эффективным. Ему удалось поставить под мобилизационные знамена как внешние, так и внутренние цели государственной политики. Общественный строй и форма правления в России не изменились, но принципиально иным стал образ жизни россиян. За время правления Петра I изменился язык большей части населения, тип его культуры и мышления. В России появились новый алфавит, календарь, праздники, обычаи, одежда, утварь, жилище, армия и флот, государственные учреждения, новые сельскохозяйственные культуры и промышленные предприятия, школы и методы обучения, новые идеалы и общественные ценности. В целом, как оценивали многие современники и потомки легендарного российского правителя, благодаря Петру I произошла настоящая революция в российской жизни.

⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.3. М., 1993. С.55.

Само государство значительно укрепило и расширило свои рубежи. Россия стала военно-морской державой, Империей. Это было достигнуто путем реализации мобилизационной стратегии государственного управления. И современники Петра I, и последующие государственные деятели и политики, а также историки находили его политику крайне противоречивой, но и признавали, что в целом результат оказался вполне прогрессивным и поступательным, если рассуждать с точки зрения интересов российского государства.

Другое дело, какую цену заплатили россияне, мобилизуясь для решения общегосударственных проблем. Петр I неоднократно заявлял о своем намерении увеличить благосостояние российского народа всех сословий. Однако в реальности его финансовая и экономическая политика находились в противоречии с данными заявлениями. Налоги и государственные повинности россиян в период правления Петра I значительно увеличились. Военные и другие государственные нужды требовали постоянного увеличения финансовых и прочих материальных ресурсов. Тем не менее, финансовое положение России при Петре I, несмотря на постоянные военные и прочие расходы казны, значительно укрепились. По данным Платонова С. Ф. государственный доход при Петре I увеличился более чем в пять раз. В конце XVII в., в начале его правления доходы государства были около 2 млн руб. В 1725 г. они составили свыше 10 млн.⁹

Петру I удалось мобилизовать для выполнения главных государственных задач все слои населения. Он даже пошел на конфликт с руководством православной церкви, которое не желало сразу поделиться своими богатствами.

Первые мероприятия были нацелены на создание российского флота. Были организованы так называемые «кумпанейства», каждому из которых поручалось в двухлетний срок, к апрелю 1698 г., соорудить и оснастить всем необходимым, в том числе и вооружением, один военный корабль. С 10 тыс. помещичьих крестьян их владельцам поручалось построить 1 корабль. Более мелкие землевладельцы объединялись и строили сообща. Церкви тоже привлекались к строительству военных кораблей, но по разнарядке с 8 тыс. крестьян. Всего было организовано 42 светских и 19 церковных «кумпанейств»¹⁰.

Посадские люди в городах и черносошные крестьяне Поморья, а также приезжие и российские торговые люди составляли свои «кумпанейства» и должны были построить 14 кораблей. Казна через Адмиралтейство на деньги, собранные в виде штрафов и дополнительных налогов построила к 1700 г. 16 кораблей и 60 бригантин. По приблизительной оценке историка Павленко Н. И. общая стоимость Азовского флота в 1701 г. составляла не менее полумиллиона рублей или примерно 1/3 часть государственных доходов в этот период¹¹.

После поражения русской армии в войне с Турцией в Прутском походе Россия потеряла значительную часть своего Азовского флота, который по мирному договору в июле 1711 г. был либо уничтожен или передан Турции. Но к этому времени судостроительные верфи уже были созданы на Балтике. Всего в петровский период было построено не менее 1164 кораблей и различных судов¹². Ко времени Гангутской битвы в 1714 г. был создан морской щит Петербурга – Балтийский флот. Россия вытеснила шведов из Финского залива, добилась превосходства на Балтийском море. Создание в России регулярных армии и флота были первыми результатами реализации мобилизационной стратегии в государственной политике Петра I. Главной же целью являлось строительство мощного с точки зрения экономики и политики имперского государства.

⁹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Спб., 1997. С. 585.

¹⁰ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С.94.

¹¹ Там же.

¹² Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Ленинград, 1989. С.118.

Петру I досталась малонаселенная обширная страна с зачатками промышленности и торговли, с хозяйством, основанном на крестьянском крепостническом труде и натуральном обмене. В то же время передовые европейские соседи сколачивали капиталы. Ликвидация технико-экономической отсталости России была возможна только путем государственного вмешательства сверху. Отец Петра царь Алексей Михайлович пытался создать небольшие промышленные предприятия для удовлетворения нужд государева двора. В подмосковном селе Измайлово были построены стекольный и льняной заводы, винное производство и т. д. Петр I равнодушный к личному комфорту и роскоши, находившийся в постоянных разъездах, поставил задачу организовать торговлю и промышленность для удовлетворения уже не личных, а государственных интересов.

Современный исследователь петровских преобразований Анисимов Е. В. не без иронии назвал его экономические реформы «индустриализацией по-петровски», проводя параллели между двумя модернизационными скачками в истории России, как по глобальным последствиям, так и по методам. Возможно, он не далек был от истины, если иметь в виду, что все экономические новации первого русского императора не обошлись без насилия и жестокости, грубого принуждения, принесения в жертву государственному благу личных интересов отдельных людей и даже сословий.

Петр I в своей экономической политике пытался руководствоваться модной в то время в Европе теорией меркантилизма, которая предполагала свободу предпринимательства и торговли абсолютно для всех слоев населения. В России, жестко авторитарной стране с централизованно-монархическим управлением и крепостным правом, это в принципе было невозможным. В государственной мобилизационной стратегии изначально закладывались принципы усиления крепостной зависимости и авторитарного управления. Данное противоречие не позволяло реализовать социальные программы, они оказывались не осуществимыми в российских условиях.

Царь в своей мобилизационной стратегии нашел место для участия в необходимых для государственного роста и развития делах всем сословиям российского общества. Никто не остался в стороне. Предприниматели и торговцы получали государственные задания. Активно строились казенные промышленные предприятия. В 1698 г. был заложен на Урале первый Невьянский казенный завод, который в 1701 г. выплавил первый чугун. Через пятилетие на Урале существовало не менее 11 казенных заводов, которые, выплавляли чугун и железо из него. В 1712 г. основан знаменитый Тульский оружейный завод, в 1714 г. – Сестрорецкий.

Одновременно строились мануфактуры в легкой промышленности с производством, необходимым для государственных нужд. В 1696 г. в селе Преображенском был основан Хамовный двор для производства парусины. В 1719 г. это было уже огромное предприятие с числом работающих более 1200 человек. В начале XVIII в. в Москве для изготовления снастей построен канатный завод, для обеспечения армии обмундированием и амуницией – Кожевенный, Портупейный, Шляпный и др. дворы.

Позднее промышленные предприятия стали возникать и в Петербурге. Все казенные мануфактуры создавались за счет бюджета, ибо очень редкие купцы имели средства, необходимые для строительства крупных предприятий. Государственные заводы строились по особым планам, максимально близко к источникам сырья, по государственным разнарядкам обеспечивались преимущественно крепостной рабочей силой с привлечением к организации и производственным процессам опытных русских и иностранных специалистов. Почти вся продукция казенных предприятий поступала в государственное распоряжение.

Одновременно с промышленностью государство организовывало и собственную торговлю, вводило государственную монополию, значительно повышая цены. Так, с введением монополии на соль и табак цены увеличились в 2–8 раз. Была введена монополия на продажу ряда самых эффективных товаров российского экспорта (пеньки, льна, хлеба, икры, воска и

т. д.). Купцы и предприниматели привлекались к несению государственной службы и повинностей, участвовали в поставках в армию подвод, лошадей, продовольствия, подвергались многочисленным штрафам и поборам, как отмечает Анисимов Е. В., не всегда обоснованным.¹³

Петр I, следуя своей мобилизационной стратегии и желая добиться результатов любой ценой и в короткие сроки, действовал насильственными методами. Несколько тысяч купцов с семьями по его приказу должны были переселиться в Петербург. Насильственные переселения в петровское время были очень распространены. Купцам переселения грозили не физическим, а коммерческим уничтожением. Они теряли торговые связи, деловые отношения, привычные места сбыта товаров.

«Обеднение и упадок некогда богатейших купеческих фирм, разорение городов, бегство от государственных повинностей – это и была та высокая цена, которую заплатили русские купцы, горожане за успех в Северной войне, финансируя её расходы, лишаясь своих барышей вследствие жестокой монопольной политики и различных ограничений, вошедших в практику экономической политики Петра с начала XVIII в. – делает вывод Анисимов Е. В.¹⁴

Не меньшие тяготы несло и элитное сословие – дворянство, которое имело как привилегии, так и обязательства перед царем и государством. Из дворянской среды в основном формировались царское чиновничество и бюрократия, военное руководство. Служебная карьера дворян зависела не столько от родовитости, как раньше, а от личных способностей, то есть от заслуг перед царем и отечеством. В России внедрилась практика обязательного обучения дворянских детей. Часть из них отправлялась для обучения за границу, но многие учились и в России: в Морской, Инженерной и Артиллерийской академиях. Без образования нельзя было служить. По указу императора от 20 января 1714 г. дворянину, «не постигшему основ наук», запрещалось жениться¹⁵.

Большие издержки понесли крестьяне. Они в массовом порядке поставляли армии рекрутов, давали подводы и лошадей, несли натуральные и денежные повинности. Только рекрутами, по данным Анисимова Е. В., с 1705 по 1725 г. было взято не менее 400 тыс. человек при наличии в это время в стране примерно 5–6 млн душ мужского пола. Таким образом, солдатский мундир надел каждый 10–12 крестьянин. Кроме военной повинности для крестьян существовала отработка, когда целые армии крепостных отрывались от семей и привычных занятий, строили дороги, мосты, крепости и т. п. Более 40 тыс. крестьян было мобилизовано для строительства северной столицы. Многие из них умерли в невских болотах от невыносимо тяжелого и непривычного труда и болезней. Бегство крестьян и посадских целыми семьями от государственных повинностей было характерной чертой петровского времени. Из крупных выступлений известно восстание на Дону в 1707–1708 гг. под руководством Кондратия Булавина.

К концу царствования Петр I начал вносить коррективы в свою мобилизационную политику. Вместо принудительного выполнения государственных повинностей, стали использоваться подряды и договора на производство и поставку нужных государству товаров, стали поощряться частная торговля и предпринимательство. Особенно поддерживались промышленные предприятия и разработка месторождений полезных ископаемых. С 1719 г. «Берг-коллегия» разрешала всем жителям России, независимо от социального статуса, отыскивать руды и основывать заводы.

В 1702 г. Невьянский металлургический завод в качестве исключения был передан Никите Демидову, бывшему тульскому кузнецу-оружейнику. Он оправдал надежды царя и значительно увеличил поставки в казну уральского железа, положив начало знаменитой фамилии

¹³ Там же. С. 123–127.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Бушуев С. В. История государства Российского. Историко-биографические очерки. XVII–XVIII вв. М., 1994. С. 323.

российских купцов и заводчиков. Но случай Демидова был исключением из правил и объяснялся особым расположением к нему царя. В 1720-е гг. практика передачи казенных заводов частным владельцам стало обычным делом.

Существенную помощь предпринимателям оказывал и таможенный тариф 1724 г. Он устанавливал размер пошлины на заграничные товары в зависимости от наличия или отсутствия их отечественных аналогов, чтобы стимулировать отечественных производителей.

В целом мобилизационная стратегия Петра I привела к промышленному подъему и частичному преодолению технической отсталости от европейских стран. Были созданы целые отрасли. В конце XVII в. высшие сорта железа ввозились из Швеции. К концу царствования Петра I внутренний рынок получил необходимое количество металла и страна стала экспортировать железо. Большой прогресс был достигнут в текстильной промышленности. Правда, Петру не удалось, как он того хотел, одеть армию в русское сукно, но зато бумажные и парусиновые ткани по качеству были сравнимы с голландскими. Россия вывозила за границу парусинное полотно. Если в конце XVII в. в России существовало три десятка мануфактур, то к концу петровского царствования их было по разным подсчетам от 100 до 200.

На протяжении всей нашей истории можно найти и другие, возможно и менее яркие примеры мобилизационного решения национальных проблем. Мобилизационная стратегия в государственной политике России в одни периоды проступала более явно, в другие менее, но полностью не исчезала никогда. Даже в периоды экономического подъема и процветания частного бизнеса государство не уходило со сцены как регулирующий и организующий фактор. Крупные государственные вложения в транспортное строительство, в развитие сельского хозяйства, в оборонную промышленность выполняли важнейшую динамизирующую роль в экономической жизни страны. Наиболее общее объяснение такой преемственности с точки зрения развития экономики дал Майминас Е. З. в своей теории социально-экономического генотипа¹⁶.

Историки также не раз отмечали высокую эффективность мобилизующей роли государства в определенные исторические периоды. Жесткое централизованное управление было неизбежным в чрезвычайных обстоятельствах, например, в связи с угрозой извне. Это отмечалось ещё дореволюционными историками. Рассуждения на тему исторической необходимости мобилизующей роли государства для военно-оборонных целей можно найти в трудах Соловьева С. М. и Ключевского В. О. Один из наиболее проницательных и глубоких исследователей русской исторической жизни с культурологических позиций Милюков П. Н. отмечал, что способность к мобилизации и принятие соответственно мобилизационного типа развития было свойственно русскому обществу с самых древнейших времен. Факторы постоянной внешней угрозы, расширения границ путем завоевания всё новых территорий определили особый тип «военно-национального» государства, которое соответствующим образом и строило свою политику. Мобилизация в чрезвычайных обстоятельствах была обычным делом в русской национальной традиции¹⁷.

В России время от времени возникали ситуации, когда все механизмы и структуры государственной власти и общественной организации находились в стадии мобилизации. Страна превращалась в некое подобие военизированного лагеря с централизованным управлением, жесткой иерархией, регламентацией поведения, усилением контроля за различными сферами общественной деятельности с сопутствующими всему этому бюрократизацией, единомыслием и прочими атрибутами мобилизации общества на борьбу ради чрезвычайных целей.

Очевидно, что если общество постоянно находится в состоянии боевой готовности, то все остальные критерии, не имеющие прямого отношения к деятельности в направлении чрез-

¹⁶ Майминас Е. З. Управление хозяйственным механизмом и экономическая кибернетика. (Вопросы теории) // Экономика и математические методы. Т. 12. Вып. 4. М., 1976. С. 67–69.

¹⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб. Часть 1. 1909.

вычайных целей, отходят на второй план. В результате, вся институциональная структура общества создается для потребностей мобилизационного типа развития и этот тип постоянно воспроизводится, даже если нет чрезвычайных ситуаций и общество находится в обычных условиях и решает сугубо мирные задачи.

Другое дело военные условия. Здесь происходит в кратчайшие сроки мобилизация всех общественных структур, а социально-психологическая готовность, всегда присутствующая в обществе мобилизационного типа, объединяет нацию и ведет её к целям победы. Для России характерен именно такой тип общественного развития. Он эволюционировал веками и помогал нации проходить все испытания, сохранять свою идентичность. Отличительными особенностями мобилизационного типа развития в этом случае были доминирование политических факторов в развитии государства, его значимая роль во всех сферах общественной жизни, в том числе и в частной жизни. Все коренные изменения в обществе, как правило, программировались и насаждались сверху государственной властью на основе механизмов её жесткой централизации.

По-видимому, строгая определенность целей обязательна для мобилизационного типа развития. Без неё трудно осуществлять концентрацию усилий и ресурсов на приоритетных направлениях. А без этого невозможны никакие сверхусилия, обеспечивающие быстрое, любой ценой, достижение чрезвычайных целей. Высокая интенсивность усилий в условиях мобилизационного типа развития вытекает из самой природы чрезвычайных целей. Их выполнение в определенные сроки – условие выживания мобилизационной системы. Впрочем, если для достижения определенной цели используется организация мобилизационного типа, то она любую цель воспринимает как чрезвычайную.

Мобилизационные решения в заселении новых территорий России и их хозяйственном освоении были крайне важны. Движение на восток с самого начала носило мобилизационный характер. Оно, как правило, инициировалось государством, происходило по его заданию и согласию. Соответственно определялись цели и механизмы продвижения к ним, рассматривались вопросы обеспечения ресурсами, которые концентрировались в рамках избранного стратегического направления. И мировой опыт показывает, что освоение новых территорий было результативным, когда использовались мобилизационные методы.

Государство, начиная с походов легендарного Ермака в конце XVI века, в процессе колонизации Сибири применяло преимущественно мобилизационные меры для решения своих проблем. Как считает академик Алексеев В. В., на протяжении столетий менялись причины и следствия освоенческих процессов, а также средства и способы достижения целей, направления деятельности общества и власти по поводу их реализации, но в то же время проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные. В целом освоение региона прошло трудный и долгий путь от промыслово-аграрного к преимущественно индустриальному типу развития. Вместе с тем он поучителен и его не следует забывать в современной и будущей социальной практике и не только в Сибири, но и в других новоосваиваемых регионах мира¹⁸.

Казалось бы, проникновение русских за Урал в Сибирь и до берегов Тихого океана носило локальный характер, было ограничено в пространстве и во времени. Однако оно имело большую геополитическую значимость, раздвигало границы российского государства, придавало ему все большую мировую известность, повышало его вес на международной арене. Государство из «Московии» превратилось в самую обширную в мире империю.

Первыми русскими поселенцами в Сибири стали служилые люди: казаки, стрельцы и прочие военнотруженики, направленные сюда по государеву указу, а также беглые крестьяне и приписанные к соляным варницам «людишки», которые здесь оказывались также не без цар-

¹⁸ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 231–232.

ской воли. Царь Иван IV Грозный давал уральским промышленникам Строгановым так называемые Жалованные грамоты на владение и защиту земель, расположенных по Каме и Чусовой в Пермском крае, Ишиму, Тоболу и Оби в Сибири, согласно которым разрешалось на вверенных им землях строить укрепленные пункты, нанимать и вооружать казаков и воевать с «сибирцами» (сибирскими татарами), «в полон их имати и в дань за нас приводити»¹⁹.

Строгановы энергично следовали этому курсу: создавали соляные производства, организовывали промысел пушного и прочего зверя. По их приглашению в Сибирь прибыл со своими казаками атаман Ермак, с которым связывается начало присоединения региона к Российскому государству. Казаки не только служили царю и хозяевам, защищая их владения от набегов врагов, но и сами рассчитывали на богатую добычу на завоеванных землях. Результатом данного сочетания интересов государства и частных лиц явился захват и присоединение за короткие в историческом смысле сроки огромной территории, превышающей в несколько раз размеры самого Московского государства.

Государственная мобилизационная политика сочеталась с так называемой «вольнонародной» колонизацией, которая усилилась во времена Смуты в начале XVII в., когда нестабильность власти вынуждала многих россиян – представителей самых различных социальных слоев искать пристанища в пространственных восточных землях. Опустевшая государственная казна также требовала своего пополнения, которое могло состояться за счет богатств из Сибири.

Российское государственное управление создавало в восточных землях опорные пункты-остроги, поощряло продвижение туда своих граждан, которые были готовы осваивать и обживать новые территории. Менее чем за 100 лет к европейской территории Российского государства были присоединены Западная и Восточная Сибирь, земли Забайкалья и Приамурья. В 1650–1660-е гг. русские пашни существовали уже в бассейнах рек Шилки и Нерчи, в районе Албазина. По данным росписи сибирских городов 1701 г. в Восточной Сибири насчитывалось до 7 тыс. русских семей, в Западной – около 18 тыс. (всего приблизительно 80–100 тыс. чел. мужского пола). В 1710 г., по табелю Сибирской губернии, в пределах региона числилось уже 312 872 чел. (157 040 мужчин и 155 832 женщины)²⁰.

Стоит согласиться с выводами исследователей Резуна Д. Я. и Шиловского М. В. о том, что перемещение российского населения в восточные районы в XVII – XIX вв. скорее следует назвать не миграцией, а государственной мобилизацией для решения поставленных задач. Явно просматриваются цели государства не просто переместить людей из одних районов страны в другие, а заселить новые территории россиянами. Государственное управление поощряло службу в казачьих войсках денежным и натуральным («хлебным») жалованием, разовыми денежными выплатами за участие в сражениях и походах, за количество уничтоженных врагов. Для снабжения служилых людей хлебом и фуражом в Сибирь привлекались пашенные крестьяне, которые также получали от казны денежные суммы либо инвентарь «на подъём» и «на обзаведение». «Организованным» переселенцам выдавались «подорожные», а также они обеспечивались при переселении транспортом на государственных подводах, освобождались от налогов и податей и т. д. В свою очередь переселенцы, обосновываясь в Сибири, обеспечивали здесь широкое распространение российской земледельческой системы хозяйствования почти до самого полярного круга²¹.

Результативный этап государственных мобилизационных решений, оказавших существенное влияние на развитие и освоение новых земель в Азиатской части России, был связан со временем правления Петра I, который данным процессам стремился придать научную

¹⁹ Зуев А. С. Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998. С. 21.

²⁰ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 54–55.

²¹ См: Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, XVI – начало XX вв.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 69–80.

основу. По его инициативе было начато, ставшее затем постоянным, экспедиционное исследование азиатских владений с целью не только получения наиболее полных и достоверных сведений о них, но и для определения государственных границ империи. Исследовательская экспедиционная деятельность в восточных землях с XVIII в. была возведена в ранг важнейших государственных мероприятий, поручалась людям, имеющим соответствующую профессиональную подготовку. По личным заданиям и инструкциям императора состоялся целый ряд масштабных и грандиозных по тому времени научных экспедиций, распространивших свою деятельность в Сибири вплоть до Тихоокеанского побережья, собравших огромное количество сведений самого различного характера: географических, этнографических, исторических и пр., позволяющих в полной мере оценить азиатское приобретение России.

Наиболее существенным практическим результатом данного государственного подхода к освоению и изучению Азиатских земель стало развитие картографической деятельности. Первые карты и чертежи были составлены по личному распоряжению Петра I уже в конце XVII в. С. У. Ремезовым, тобольским государственным служащим, имевшим навыки чертежного дела и картографии. В 1701 г. С. У. Ремезов подготовил «Чертежную книгу Сибири», состоящую из 23 чертежей, в которой нашли отражение почти все сибирские города того времени с уездами. Позже им же была составлена более полная «Служебная чертежная книга», в которой содержались чертежи и самых восточных и северо-восточных территорий Сибири, Камчатки, проведены достаточно точно русла большинства крупных сибирских рек.

Данные сведения затем сыграли значительную роль в дальнейшем изучении Азиатской части России. Ремезовскими картами и чертежами пользовались в экспедициях Д. Г. Мессершмидта, В. Беринга, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова и др. Внося новые сведения в знания о Сибири более поздние исследователи не нарушили основы топографического описания, сделанного Ремезовым. В целом изучение Азиатской части России в XVIII столетии стало важнейшей составляющей государственной политики, направленной на освоение огромного края. Материалы экспедиционных исследований были использованы при подготовке первой Генеральной карты Российской империи в 1780-х гг., куда вошли географические сведения о Тобольском и Иркутском наместничествах, т. е. о Западной и Восточной Сибири, в которых достаточно полно описывались природа, ландшафт, особенности климата, численность и состав народонаселения, населенные пункты, нравы и обычаи русского и аборигенного населения, состояние торговли, ремесла и промышленности²².

Полноценного хозяйственного освоения и обживания Сибири в рамках российской государственности не могло происходить без формирования здесь особой системы административно-территориального управления. По мере присоединения сибирские территории включались в систему управления Московского государства. На первых порах новоприобретенными землями занимался Посольский приказ, ведавший внешней политикой Московского княжества. В 1599 г. управление присоединенными районами Сибири было сосредоточено в Казанском дворце. Этот правительственный орган занимался восточными территориями государства – Поволжьем и Уралом. С продвижением на восток задачи управления расширялись и усложнялись и в 1637 г. из Казанского дворца выделилось специальное центральное учреждение – Сибирский приказ, который сохранял свою деятельность в Сибири до своего окончательного упразднения в конце XVIII в.²³.

Начало петровских административных преобразований в России лишь поверхностно коснулось Сибири. В ходе первой губернской реформы в 1708 г. весь край был объединен в одну Сибирскую губернию с центром в Тобольске. Функции Сибирского приказа переходили сибирскому губернатору, воеводы сибирских уездов переименовывались в комендантов. Вто-

²² История Сибири. Т. 2. С. 352.

²³ Зуев А. С. Указ. соч. С. 75–76, 169–172.

рая губернская реформа 1719–1724 гг. внесла в сибирское управление более кардинальные перемены. В Сибири, как и на всей территории России, вводилось четырехстепенное административно-территориальное деление. Сибирская губерния разделялась на Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую провинции во главе с вице-губернаторами. Провинции в свою очередь делились на дистрикты во главе с земскими комиссарами. Однако в конце 1720-х гг. на большей территории Сибири вернулись к старой системе местного управления: уездам во главе с воеводами. Низшей территориальной единицей являлась русская или инородческая волость. В 1730 г. был восстановлен Сибирский приказ. Но права его были существенно урезаны по сравнению с XVII в. Из его ведения были изъяты дипломатические отношения, управление промышленностью, воинскими командами и ямской службой²⁴.

Наиболее крупные преобразования в системе управления Азиатской частью России произошли в конце XVIII – начале XIX в., когда она еще более приблизилась к общероссийской. Правда, в отдельных районах Сибири и в начале XX столетия сохранялись особые функции органов государственной власти, которые на подведомственных им территориях обладали фактически неограниченной компетенцией, осуществляя одновременно административный, финансовый, хозяйственный, полицейский и судебный надзор. Местные администрации отвечали, как правило, за состояние земледелия, промыслов, ремесел, торговли и путей сообщения. Губернаторы участвовали в дипломатических переговорах с соседними государствами.

Сибирская правящая элита всегда сохраняла свое особое положение во властной иерархии России и стремилась к определенной независимости. В то же время центральная государственная власть старалась не упустить своего влияния в Сибири. Мобилизационный характер имела сама политика российского правительства по отношению к азиатским территориям, которые всегда рассматривались не как некая «автономия», а как часть государства, хотя и отдаленная и провинциальная.

Россияне пришли в Сибирь не столько как завоеватели, а как сограждане уже проживавшего с древности на этих территориях населения. Может быть, поэтому численность коренных этносов с присоединением к России постоянно увеличивалась. В то же время в мире известны и другие прецеденты. Например, ко времени появления англичан в Северной Америке насчитывалось до 2 млн индейцев, а к началу XX столетия их осталось здесь не более 200 тыс.²⁵

Государственные решения и мероприятия способствовали росту сибирского населения. Особенно значительный импульс был задан в конце XIX в. с началом железнодорожного строительства в восточные районы России. С 1896–1898 гг. ежегодно десятки и сотни тысяч человек при поддержке государственных организаций начали движение в сторону Сибири. Новые пространства в государственной политике стали рассматриваться как территории для расселения российского народа до самых берегов тихоокеанского побережья. Одновременно росла государственная поддержка переселенцев: увеличивалось финансирование для обустройства на новых местах, расширялась государственная землеустроительная и землеотводная деятельность в районах вселения, что способствовало хозяйственному освоению россиянами всё более новых районов Сибири и Дальнего Востока.

Еще большие масштабы переселенческое движение из Европейской России в Азиатскую часть страны приобрело с началом эксплуатации Транссибирской железнодорожной магистрали. После 1906 г. по инициативе председателя Совета министров П. А. Столыпина был намечен и в значительной степени осуществлен новый комплекс государственных мероприятий по развитию переселенческого движения на малозаселенные земли. На этот раз правительство связало переселение в Сибирь с проведением аграрной реформы в России, добилось выделения значительных средств на ее проведение, создало целый ряд новых учреждений.

²⁴ Там же.

²⁵ Всемирная история. Т. 5. М., 1958. С. 351.

Переселенческое управление получило дополнительное финансирование, пополнило свой штат специалистами, необходимыми для эффективной организации переселения. В Сибири и на Дальнем Востоке выделялись переселенческие районы: Тобольский, Акмолинский, Томский, Енисейский, Иркутский, Забайкальский, Амурский и Приморский, в рамках которых нарезались участки для вновь вселяемых, организовывалась вся их производственная и социально-бытовая жизнедеятельность. В каждом переселенческом районе создавалась сеть специальных организаций, имевших в своем составе землеотводные, гидротехнические, дорожные партии, склады сельхозмашин, агрономические отделы, свои школы и больницы. По ходу Транссибирской магистрали были выделены два района по организации передвижения переселенцев (Западный и Восточный), которые имели свои переселенческие пункты на крупных станциях.

В результате переселение крестьян в Сибирь стало более организованным. Итогом политики переселения российского правительства в конце XIX – начале XX в. стал экономический рост Сибири. Значительно усилилось русское влияние в Азиатской части страны. По данным статистики в 1897–1911 гг. население Азиатской России увеличилось на 45 %, в том числе инородческое местное на 17 %, а русское на 83 %. В некоторых губерниях наблюдалось абсолютное преобладание русского населения: в Томской губернии в 1911 г. зафиксировано 94,1 % русских, в Тобольской – 92,6 %, Енисейской – 90,5, Амурской – 84,6, Иркутской – 78,4, Приморской и Забайкальской – 68,0 %.²⁶

Таким образом, целый комплекс государственных мобилизационных мероприятий позволил широко расселить по территории страны русское население, распространить в многонациональном государстве русскую хозяйственную культуру, в то же время аккумулировать в едином экономическом пространстве традиции разных народов России. Мобилизационный характер государственной политики исторически становился мощным фактором сохранения территории страны, её целостности и экономического единства в рамках централизованного государственного управления.

Стратегии и практики хозяйственного освоения Сибири, инициируемые российским правительством до начала XX столетия, имели главным образом земледельческий характер. Идеи промышленного развития стали рассматриваться в годы Первой мировой войны и в последующее время. Советское правительство ими заинтересовалось после заключения Брестского мира и в связи с разработкой плана ГОЭЛРО. В дальнейшем проекты индустриализации стали иметь ключевое значение в определении стратегических основ социально-экономической политики советского правительства по отношению к Сибири и всей азиатской части страны.

Сдвиг в сторону восточных районов, определившийся концептуально и практически, стал важнейшим направлением стратегии хозяйственного развития России на весь XX век, независимо от смены систем её политического и государственного устройства. Преemptивность была исторически необходимым явлением, так как она позволяла сохранять государству внутреннюю и внешнюю политическую устойчивость. С конца XIX столетия сила и мощь отдельных государств в мире стали оцениваться по их природным и экономическим возможностям, которые определяли, в какой степени они могли быть самодостаточными, опираясь на собственные ресурсы развития. Эта ситуация высоко поднимала значение восточных районов России, ресурсный потенциал которых позволял на долгие годы сохранять стране статус великой и независимой державы.

²⁶ Очерки по истории колонизации севера и Сибири. Петроград, 1922. С.96.

Глава 2. Советские мобилизационные стратегии и практики в 1920-е гг.

Советское государственное управление по ряду обстоятельств как субъективного, так и объективного плана с самого начала было мобилизационным. Сложное послевоенное время, борьба за власть, революционные преобразования в политике и экономике определяли постоянную необходимость мобилизационных мероприятий, многие из которых были унаследованы от прежнего государственного режима.

В годы Первой мировой войны царское правительство, а затем и Временное буржуазно-либеральное, принимали меры сугубо мобилизационного характера, направленные на решение каких-то важных экономических или социальных проблем. Например, чтобы не допустить в стране массового голода в конце 1916 г. царское правительство попыталось мобилизационным способом решить проблему обеспечения продовольствием городского населения. Оно заявило о своем праве отчуждать хлебопродукты в принудительном порядке по твердым ценам для удовлетворения нужд армии и оборонной промышленности (хлебная разверстка Риттиха). Землевладелец, до которого в конечном итоге доводилось задание по хлебосдаче, был обязан выполнить его в установленные уполномоченными государством органами сроки. Нарушение обязательств должно было караться реквизицией продукта. Однако выполнить разверстку в намеченном размере не удалось. Производители зерна ее саботировали, а прибегнуть к насильственным методам изъятия правительство не решилось²⁷.

В конце марта 1917 г. уже Временное правительство приняло решение о введении государственной хлебной монополии. На сей раз речь шла о принудительном изъятии государством «по твердым ценам» всех товарных запасов зерна и муки. В пользу землевладельца оставлялся паек, учитывающий нужды семьи и занятых в хозяйстве лиц, а также величину посева. Владелец хлеба обязывался заявить об объеме имеющихся у него «излишков» и по первому требованию местного продовольственного органа доставить их на продовольственные склады²⁸. Несмотря на применение мер принуждения к сельхозпроизводителям продовольственная ситуация в стране ухудшалась. Причинами этого стали, как продолжающийся саботаж со стороны производителей и владельцев хлеба, так и разруха на транспорте.

Осенью 1917 г., несмотря на аресты и реквизиции, применяемые властями, ситуация с обеспечением продовольствием в стране оставалась очень сложной. В Сибири прилегающие к Транссибу районы наводнили так называемые мешочники – в основном жители испытывающих продовольственные затруднения районов Европейской части страны, которые приобретали хлеб для себя и частично для продажи по ценам превышающим «твердые» и тем самым срывают центральные заготовки. Мобилизационные методы решения продовольственных проблем государственными организациями не срабатывали.

Мобилизационным решением в годы Первой мировой войны было создание Военно-промышленных комитетов (ВПК) в целях обеспечения всем необходимым фронта и тыла. Деятельность ВПК нацеливалась на сотрудничество местных органов власти с предпринимателями, транспортными и другими общественными структурами. Она распространялась по территории всей страны. В Сибири в 1915–1916 гг. действовало 25 комитетов, которые организовывали размещение и выполнение госзаказов, как по промышленной продукции, так и по поставкам продовольствия в армию. Уже в первое полугодие своей деятельности сибирские

²⁷ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 256–257.

²⁸ Там же. С. 311.

ВПК смогли привлечь к выполнению военных заказов около 300 промышленных предприятий с более чем 40 тыс. рабочих. Среди мобилизованных предприятий преобладали деревообрабатывающие, кожевенно-обувные и овчинно-шубные, а также вырабатывающие муку и продовольствие. На короткий срок смогли возобновить свою работу Абаканский, Гурьевский и Петровский металлургические заводы. Всего к июню 1916 г. на территории Иркутского, Степного генерал-губернаторств, Тобольской и Томской губерний были размещены военные заказы на 34,6 млн руб. Однако все их выполнить не удалось. Смена власти и Гражданская война дезорганизовали деятельность ВПК, которые с окончательной победой советской власти в Сибири в 1920 г. были ликвидированы²⁹.

Большевики во главе с В. И. Лениным мобилизационные методы российских правителей часто избирали в качестве объектов для критики. Вместе с тем со своим приходом к власти они стали их активно применять. Особенно с осени 1918 г., когда с наступлением на Советскую Россию стран Антанты под вопросом оказалось само существование государства и его независимость. В процессе военных действий против советского правительства бывшие союзники России не скрывали своих планов расчленения и колонизации на их взгляд слишком обширной страны. 2 сентября 1918 г. было опубликовано постановление ВЦИК о превращении Советской республики в единый военный лагерь. Это был ответ на интервенцию 14 иностранных государств и начало Гражданской войны.

В историографии последних десятилетий нашло отражение представление политики Советского правительства в этот период как нацеленной на реализацию социалистической идеи и стремящейся к установлению в конечном итоге мирового господства коммунистического режима. Вместе с тем, немало свидетельств того, что события развивались без относительно субъективных представлений большевистских лидеров, которые в условиях, складывающихся в связи с интервенцией и начавшейся Гражданской войной, вынуждены были действовать, исходя из практической необходимости. Можно сказать, что деятельность советского правительства в этот период имела национально-освободительный характер.

Необходимость защиты власти и независимости государства потребовала специальной мобилизационной политики, известной под названием «военного коммунизма», которая в хронологическом диапазоне определяется с 1918 по 1921 гг. Однако её главные мобилизационные элементы и механизмы были сохранены и получили последующее развитие, корректировались в соответствии с изменениями в государственной стратегии.

В Советской России в рамках мобилизационных мероприятий в 1918 г. была введена не только всеобщая воинская повинность, но и трудовая. Все мужчины от 18 до 40 лет включительно должны были регистрироваться на биржах труда, в специальных агентствах для распределения в соответствии с указаниями Главкома Труда. Принятые указы подкреплялись чрезвычайными законами военного времени, предусматривавшими суровые меры наказания за неисполнение.

В области экономики явно прослеживалась необходимость в концентрации имеющихся ресурсов и централизованном их распределении. Формировавшаяся модель хозяйственного развития была связана с революционным характером событий в стране и с угрозой национальной безопасности. В годы развернувшейся Гражданской войны и интервенции большевики стремились не только сохранить свою власть, но и отстоять независимость государства. В этот период их доктринальные установки были связаны в основном с крайним огосударствлением хозяйственных отраслей и жесточайшей централизацией управления ими.

Большие надежды в направлении регулирования экономической жизни возлагались на государственные органы так называемого рабочего контроля, в которых большевики видели важнейший инструмент регулирования хозяйственной жизни. 14 ноября 1917 г. было принято

²⁹ Сибирская историческая энциклопедия. Т. I. Новосибирск. 2009. С. 318–319.

Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле, в котором говорилось, что он вводится в целях «планомерного регулирования народного хозяйства»³⁰.

На базе центрального органа рабочего контроля 2 декабря 1917 г. был создан Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ), который должен был стать единым центром руководства экономической жизнью всей страны. В основу организации производства был положен отраслевой принцип. Руководить отраслями должны были главки и центры. По сути дела ВСНХ являлся своеобразным министерством промышленности, которое руководило экономикой страны через сеть своих местных организаций (областных и районных СНХ). Местные совнархозы должны были выяснять возможности и потребности своих подведомственных территорий в экономическом развитии, принимать меры по налаживанию производства на государственных предприятиях, планировать их деятельность. Главной чертой их руководства были централизация и распределение имеющихся ресурсов.

В Сибири в декабре 1919 г. в структуре Сибревкома – главного советского органа управления был создан Сибземотдел, которому подчинялись губернские и уездные земельные отделы. На этот орган возлагались надежды на руководство сельским хозяйством Сибири, выводом его из кризиса, вызванного войнами и сменой государственной власти, что было крайне необходимо для налаживания обеспечения продовольствием населения страны. Сибземотдел действовал чрезвычайными методами, среди которых можно было назвать организацию рабочих дружин и воинских отрядов для уборки урожая на брошенных полях, для проведения посевных компаний. К работе активно привлекалось всё незанятое население, а также временно присутствующие в Сибири беженцы и военнопленные. В результате советским руководителям удавалось решать проблемы по сбору продовольствия путем концентрации как административных, так и материальных ресурсов. Мобилизационные мероприятия объявлялись государственной задачей, которую необходимо было решать в интересах всего общества³¹.

С переходом к НЭПу элементы мобилизационности в экономической политике советской власти в Сибири продолжали сохраняться, особенно в процессе управления национализированными предприятиями. И надо добавить, что воспринималось это в обществе с пониманием. В годы Гражданской войны стали привычными мероприятия государственного управления мобилизационного характера. Большинство населения страны придерживались крестьянских принципов морали о справедливости всеобщего труда, общности распределения его продуктов, приоритетности государственного управления и т. д. Социалистические лозунги, содержащие призывы к мобилизации в целях решения государственных проблем, оказывались близкими и понятными основной массе населения советской России.

³⁰ Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 82–83.

³¹ Рынков В. М. «Боевые задачи Сибземотдела»: раннесоветский опыт мобилизационной политики. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции 23–24 ноября 2012 г. Челябинск, 2012. С. 199–208.

Организация перспективного планирования, как системы мобилизационного управления хозяйственным развитием

Важным элементом формирования советской мобилизационной системы в 1920-е гг. выступила организация общегосударственного планирования развития экономики, которое не сразу стало директивным, но с самого начала рассматривалось в качестве одного из механизмов, способных мобилизовать общество на достижение стратегических целей, что было крайне важным в условиях централизованного государственного управления национализированной экономикой.

Одним из первых мобилизационных мероприятий советской власти в области экономики стало продолжение разработки плана электрификации страны, начатой в дореволюционный период. Советский вариант этого плана под название ГОЭЛРО был утвержден и принят к реализации в декабре 1920 г. на VIII съезде Советов. По замыслу руководителей государства с его помощью можно было восстановить страну после войн и революций и двинуть её по пути модернизации и прогресса.

Это был первый не только в России, но и в мире перспективный план экономического развития отдельно взятой страны, который был реализован. Разработанный в основных чертах в чрезвычайных обстоятельствах Первой мировой войны он был значительно конкретизирован по инициативе советского правительства и претворен в жизнь с участием известных ученых и инженеров России. По нему предусматривалось развертывание энергетического строительства с сооружением более 30 крупных электростанций в европейской части страны. Урал и Западная Сибирь пока рассматривались как перспективные районы, обладающие значительными природными ресурсами для развития электроэнергетики³².

В процессе реализации плана ГОЭЛРО мобилизационными методами для энергетического строительства предусматривалось приоритетное обеспечение соответствующими кадрами, материально-техническими и административными ресурсами государства. Абсолютно инновационной идеей стал комплексный, интегративный подход к развитию промышленности на основе выделения экономических районов, в которых, исходя из природных и экономических возможностей, планировалось строительство электростанций и энергопотребляющих предприятий, а также транспортных объектов, заводов строительных материалов и т. п.

Мозговым и информационным центром советской экономической мобилизационной стратегии стала Государственная плановая комиссия (Госплан) СССР, организованная в 1921 г. в целях определения перспективных направлений хозяйственного развития в масштабе всей страны. Вначале Госплан выполнял роль консультационного органа, но затем постепенно превратился в директивное учреждение, получившее широкие властные полномочия по управлению социально-экономическим развитием всех регионов страны. Одновременно формировалась централизованная вертикаль власти в СССР, где главную контролирующую и определяющую стратегию роль играли партийные органы, а верховными арбитрами всего происходящего являлись Политбюро и аппарат ЦК ВКП (б) (КПСС)³³.

Уже в первое десятилетие советской власти правящая партия превратилась в важный определяющий стратегию и организационный элемент советской мобилизационной системы. Усиление её мобилизационной активности достигалось, как в процессе всё большего роста её рядов, охватывающих значительные слои населения, так и в связи с увеличением бюрократического аппарата. В результате партийная деятельность проникала в самые различные социальные сферы. Мобилизационный эффект партийной работы усиливался в результате прове-

³² См: Владимирский А. План ГОЭЛРО.// Родина. 2004. № 3. С. 67.

³³ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 263–264.

дения перманентных «чисток» рядов партии и смены состава её членов. На место выбывших в партийные организации приходили новые члены из наиболее активных рабочих и крестьян, которые готовы были поддерживать и претворять в жизнь государственные планы.

Главное внимание в партийной работе уделялось экономике. По поводу её перспективного развития велись ожесточенные политические и научно-теоретические дискуссии, которые происходили как в планирующих органах, так и органах непосредственного государственного управления, определявших главные стратегические направления развития страны. Главным образом борьба происходила между сторонниками мягкого эволюционного реформирования экономики преимущественно на рыночной основе и представителями более быстрых и решительных модернизационных перемен, предусматривающих активное вмешательство государства в экономическую сферу. Первый подход демонстрировали представители научно-теоретических экономических школ с дореволюционным прошлым (В. А. Базаров, В. Г. Громан, Н. Д. Кондратьев), работавшие в Госплане, а второй – выдвинутые советской властью руководители Госплана (Г. М. Кржижановский, С. Г. Струмилин, В. И. Мотылев, В. П. Милютин), придерживавшиеся более рационалистических взглядов, в которых целеполагание было на первом месте и должно было совпадать с требованиями политических установок в тот или иной период. К концу 1920-х гг. последние победили и определили в качестве действия особую мобилизационную стратегию, которая позволила в короткие исторические сроки модернизировать экономику страны на индустриальной основе.

В целях ускоренного развития тяжелой промышленности была значительно усилена контролирующая и регулирующая роль государства в экономике, что на деле обозначалось открытым отказом от рынка и многоукладности, нэповских принципов реализации хозяйственной деятельности. В разработках первых перспективных планов развития народного хозяйства СССР мобилизационная стратегия отражала намерения власти направить развитие всех отраслей экономики в рамках единого поступательного процесса, обеспечивающегося централизованной системой управления, прочно связывающей все экономические и социально-политические субъекты в государстве. Практическая реализация данной стратегии показала, что таким выстраиванием прогнозирования с обеспечением целей необходимыми ресурсами можно добиться в короткие сроки значительных результатов, в том числе и решить модернизационные проблемы в экономике.

В мобилизационных целях выстраивался и хронологический порядок перспективного планирования. Генеральный план был рассчитан на длительный период, охватывающий 15 лет и более. В нем разрабатывались основы стратегических направлений по отраслям. В качестве рабочих планов рассматривались пятилетки. Они, по мнению Кржижановского Г. М., были наиболее удобными в организационном смысле, представляли своеобразную «смычку» между теоретической и практической сторонами планирования, «разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных важнейших моментах»³⁴

³⁴ Кржижановский Г. М. К построению перспектив пятилетки. // Каким быть плану? Дискуссии 1920-х годов. Ленинград, 1989. С. 26.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.